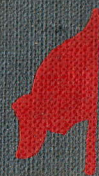

**КИРОВЦЫ
В БОЯХ
ЗА МОСКВУ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Из книг
Домьянова
в г. Раменском

Инв. № 28

Инв. № 28

ДЛЯ СЛУЖЕБНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ

КИРОВЦЫ В БОЯХ ЗА МОСКВУ

— ☆ —
**История 201 ВДБ
имени С. М. Кирова.
Часть 2-ая.**

— ☆ —
*Под редакцией старшего политрука
С. Ф. Большакова.*

ПОЛИТОТДЕЛ 201 ВДБ
1942

...И как прежде боевая
О десанте песнь звучит...

ПРЕДИСЛОВИЕ

Гигантская битва за Москву выиграна Красной Армией. Она войдет в историю, как крупнейшее военное сражение нашего времени. Чтобы понять грандиозность масштаба его, достаточно указать, что в этом сражении с одной только германской стороны участвовало свыше 80 дивизий, до предела насыщенных современной боевой техникой. Десятки гитлеровских приказов и выступлений, требовавших во чтобы то ни стало «разделаться с Москвой до наступления зимы» гнали его грабьярмию на безумную кровопролитную бойню и заставляли за каждый километр подмосковной земли расплачиваться тысячами убитых солдат и офицеров.

Но захватчики жестоко просчитались. Нашлась сила, которая сокрушила фашистские орды и в прах развеяла миф о «непобедимости» немцев. Этой силой был советский народ, его Красная Армия, руководимая вождем, большевистской партии товарищем Сталиным. Она была приведена в движение сталинской мыслью, стратегией и волей к победе. Здесь, у ворот родной столицы, захватчикам был дан решающий бой, который положил начало историческому разгрому немецкого фашизма.

Еще не смолкли громовые раскаты бомбовых залпов, не перестали свистеть свинцовые очереди советских пулеметов и автоматов, еще не затихли разрывы мин и снарядов, но они теперь уже далеко от Москвы. Хваленая геббельсовскими крикунами немецкая армия дрогнула перед силой советских богатырей. Надломленная, она теперь с каждым днем все дальше откатывается на запад, оставляя за собой обломки немецких танков и машин, горы трупов солдат и офицеров.

Мы бойцы, командиры, комиссары и политработники — кировцы гордимся тем, что в общей победе частей Западного фронта известная доля ее принадлежит и нам. Издавая эту брошюру, мы ставим своей задачей рассказать в коротких боевых эпизодах о той героической борьбе за Москву, которую вели наши мужественные бойцы.

3 октября 1941 года наша часть под командованием полковника Семена Матвеевича Ковалева посадочным десантом высадилась вблизи г. Орла. Сдерживая натиск фашистов, бойцы-кировцы в течение тринадцати дней вели бои с превосходящими силами противника, удерживая оборону в районах городов Орел и Мценск. Когда нависла непосредственная угроза над столицей наша часть в срочном порядке была переброшена в район ближних подступов к Москве. Отстоять Москву, выдержать любой натиск противника — такой мыслью жили в эти дни бойцы и командиры. Нашим законом был приказ родины: ни шагу назад. Наш девиз был: победа или смерть. С 20 октября начались самые ожесточенные бои. Десять дней и десять ночей непрерывными мощными контратаками, мужественные кировцы изматывали силы врага. Наступательный пыл фашистских войск был охлажден. Обескровленный враг перешел к обороне.

Теперь, когда немцы отброшены на запад, мы стали живыми свидетелями результатов октябрьских боев. Между деревнями Бухаловка и Воробы (Малоярославецкое направление) фашисты соорудили огромное немецкое кладбище. Там под березовыми крестами похоронено несколько тысяч подлых войск, бесславно погибших в лесах подмосковья. Это были первые итоги наших сражений. Но не только этим ограничилась наша боевая работа. Подтянув резервы, враг делал новые попытки прорваться к Москве. На этот раз ему мешала наша оборона. Стараясь деморализовать наши силы и ослабить сопротивление, фашисты обрушили на оборону десятки тысяч мин и снарядов. Не было дня и, пожалуй, часа, когда не обстреливалась бы наша оборона.

Но мы выстояли. На выстрел — выстрелом, на удар — контрударом отвечали наши бойцы-кировцы. Огнем артиллерии и минометов, тучами свинца автоматов и пулеметов, меткими выстрелами снайперов, дерзкими вылазками разведчиков и руками русских богатырей душили мы поганую немчуру.

равную к Москве. На подступах к обороне фашисты нагромодили новые горы трупов своих солдат и офицеров. В районе боев подразделения комиссара тов. Козлова, лощина, разделяющая две обороны, одна из которых вражеская, получила название «лощины смерти фрицев». Здесь только за одну попытку подойти к нашей обороне фашисты потеряли несколько десятков своих солдат. Рубеж обороны части был неприступным для врага. Это вынуждены были признать сами враги. Лейтенант 398 немецкого пехотного полка Фердинанд Экке, член фашистской партии, захваченный в плен нашими бойцами, рассказал: «398 полк сформирован из отборных солдат. Он должен был решить большие задачи по планам нашего командования. Но я удивляюсь стойкости русских. Такое сопротивление мы встречаем впервые на этом участке. То, что я увидел после короткого боя, во мне оставило глубокое впечатление. Через 20 минут после встречи с вашими солдатами из 15 моих солдат было убито 13, двое куда то исчезли. Моя судьба вам хорошо известна, — я был взят в плен».

Так было в обороне. А когда части Западного фронта, прорвав немецкую оборону пошли на Запад, мужественные кировцы с новой силой обрушились на врага. За короткий период мы освободили 38 населенных пунктов, участвовали в боях за два крупных города. Путь, пройденный на Запад овеян новой славой, ознаменован новыми подвигами во имя любимой Родины.

За период боевых действий части, в боевом активе ее значится:

1. Подбито немецких танков — 37.
2. Сбито немецких самолетов — 5.
3. Разрушено ДЗОТ'ов — 37.
4. Уничтожено станковых и ручных пулеметов — 50.
5. Уничтожено и захвачено орудий — 38.
6. Уничтожено и захвачено минометов — 30.
7. Уничтожено и захвачено автомашин — 30.
8. Уничтожено бронемашин — 7.
9. Убито немецких солдат и офицеров — свыше 2-х полков.

За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные

при этом доблесть и мужество от имени Президиума Верховного Совета Союза ССР в нашей части награждено свыше 200 бойцов и командиров.

В битве за Москву, мы научились побеждать. Но победа не пришла сама по себе, она была завоевана. Помещая об этом материал, мы хотим помочь новому отряду кировцев, всем бойцам, кто носит это замечательное имя, воспринять и умножить в предстоящих сражениях славные боевые традиции наших фронтовиков.

Поля подмосковья обогреты кровью лучших сынов советского народа. Отмечая боевые действия части, мы свято чтим память павших героев. За Родину, за честь, за свободу, за столицу Москву отдавали они каплю за каплей свою жизнь для того, чтобы спасти жизнь отчизне.

Сережа Атясов, Николай Бондарев, Саша Харламенков, Григорий Коварский, Виктор Лобанов, Петр Маркин, Федор Бсдрик, Иван Афанасьевич Иванов, Максим Лукьянчук и другие бессмертные наши герои! Над свежей вашей могилой мы склоняем свое боевое оружие. Клянемся Вам народные герои отечественной войны, что образ Ваш никогда не угаснет в наших сердцах. На примерах вашей бесстрашной борьбы с врагом, мы воспитаем сотни достойных героев-кировцев.

Пройдут годы, и заживут раны. Забудется проклятое человечеством имя палача народов Гитлера. Чертополохом зарастут могилы немецких псов-разбойников, и мир будет освобожден от фашистской скверны.

Но никогда не смолкнет слава о наших днях. И сейчас, и вовеки народ с гордостью будет вспоминать имена тех, кто в эти дни защитил и отстоял Москву.

Битва за Москву явилась началом разгрома немецкого фашизма. Но судьба Родины еще решается в боях. Предстоят еще большие трудности. Новые и решающие сражения еще впереди. Пусть в них умножатся наши боевые традиции.

Образы наших героев, показанные в брошюре, зовут к этому.

Старший батальонный комиссар С. Н. КИРЕЕВ

*Батальонный комиссар
И. ПТИЦЫН.*

Из фронтового блокнота В РУЖЬЕ!

3 октября 1941 г.

Раннее осеннее утро. Восток покрылся красноватой пылью и как бы языками пламени раз'едал хмурые тучи, бегущие на запад. Осенний ветер мерно покачивал вековые сосны, одетые в холодную влагу. Над лесом повисла мертвая тишина, которую изредка нарушал часовой, ступая по сухим сучьям. Лагерь артиллеристов спал крепким сном. Когда стрелки часов показывали цифру 5, горнист заиграл тревогу.

— В ружье! — громким голосом подал команду дежурный по лагерю. Эхо донеслось до соседних подразделений и утонуло в чаще густого леса. Бойцы вихрем выскакивали из землянок и, одевая на ходу снаряжение, становились в строй. Шоферы заводили машины, орудийные расчеты прицепляли орудия и укладывали снаряды. Мы с капитаном Кочетовым направились в штаб.

В душной землянке полковник Ковалев отдавал последние распоряжения начальнику штаба, а комиссар Киреев инструктировал начальника политотдела. Судя по веселым лицам командира и комиссара, нетрудно было догадаться, что в части не обычная боевая тревога. Пока подходили командиры, полковник вызвал дежурного, отдавал распоряжения, принимал доклады. Комиссар Киреев закурил папироску и выходя из землянки, позвал меня. Из-за леса доносился шум авиационных

моторов. С каждой секундой он приближался к нам, и когда над головами на бреющем полете, почти соприкасаясь с макушками сосен, на миг промелькнули пять краснозвездных «Дугласов», комиссар сказал:— «Видишь, это птицы нашего полета. А вот тот,— Киреев указал на приближающуюся четырехмоторную машину, прикрывшую с воздуха своим груз-

Комиссар части, старший батальонный комиссар С. Н. Киреев, награжденный орденом Красной Звезды.

ным телом почти все штабные землянки,— для твоей тяжелой артиллерии.— Он громко рассмеялся и пользуясь случаем тут же вставил:— Если бы мне на охоте попадались такие утки или даже глухари, я бы всех вас кормил белым мясом». Теперь мы рассмеялись оба. Подошедшие командиры на минуту задержались и включились в разговор. Любовно шутя, они вспоминали о пролетевшем самолете ТБ-3, с именем которого связано много дорогих воспоминаний в дни мирной учебы по десантной подготовке. Разговор прервал дежурный, пригла-

сивший нас в землянку командира. Комиссар сел рядом с полковником.

— Получен боевой приказ — вставая сказал командир. — Всему личному составу, с боевым имуществом и снаряжением быть готовым к посадке в самолеты и следовать для выполнения боевой задачи. Учтите, с сей минуты — мы на фронте. Все должно быть, как никогда четко организовано. Подробные распоряжения переданы вашим штабам. Команда о выходе на аэродром будет дана дополнительно. Артдивизион следует вторым эшелонам.

Короткое совещание закончилось выступлением комиссара. Он напомнил о том, чтобы командиры, комиссары и политработники довели задачи до бойца, чтобы мобилизовали их на героическую борьбу против немецких захватчиков.

— Наша часть имеет славные боевые традиции,— указывал комиссар.— Надо, чтобы гордое и почетное звание киреевцев везде отвечало духу воинской чести. Примеры мужества и отваги, проявленные в предыдущих боях, должны теперь овладеть сотнями красноармейцев. Умение и массовый героизм в бою— вот, что обеспечит нам победу.

Придя в подразделение, мы застали бойцов за кропотливой подготовкой к вылету. Полчаса времени, разлучившие нас с красноармейцами, изменили облик спокойного лагеря. Каждая деталь теперь просматривалась заново, укладывалась по походному, приспособлялась к бою. К вечеру массивные корабли были нагружены боевым имуществом, а пушки и автомашины прочно подвешены вместо тяжеловесных авиабомб. Капитан обошел все машины, проверил крепления грузов и убедившись в полной исправности, как бы невзначай сказал.— Готовы к вылету.

„КУРС 30-00“

4 октября 1941 года.

Рано утром мы прибыли на аэродром. Густая дымка, на время окутавшая обширное поле, неожиданно рассеялась под воздействием северного ветра. Ее сменил мелкий и частый дождь, смачивавший своей влагой каждый кусочек площади. Бойцы, укутавшись плащпалатками, лежали позади самолетов.

расставленных строго на Север. Ледяной ветер забирался под гимнастерки и жалил своим холодным острием полные тела красноармейцев.

— Нет, не бывает сегодня летной погоды,— сказал боец, плотно прижимаясь к товарищу. Слова, брошенные красноармейцем, послужили причиной разгоревшихся споров. Сержант Евгений Чернов, первым услышавший необоснованный вывод, спешил поправить товарища.

Батальонный комиссар И. М. Птицын,
награжденный орденом Красной Звезды.

— Вы в летном деле мало понимаете. К тому же, на войне летают в любую погоду, тем более парашютисты. Все будет в ажуре,— уже поднявшись добавил сержант. Чернова поддержали рядом лежавшие красноармейцы. Превосходство было на стороне сержанта. Боец, начавший спор, пытался вновь

осознать, но, чувствуя слабость своих утверждений, тут же отступился.

Когда время подходило к восьми, на небе начали прорезаться неуклюжие окна, часто застилавшиеся вторым слоем быстробегающих туч. Ветер не утихал, но дождь теперь из мелких капель воды образовывал влажную пыль, жадно оседавшую на окружающие предметы.

Подали сигнал для посадки. Влажной травой, бойцы окропили кожаные сапоги и смыв с них грязь разместились в просторном самолете. Последней вошла подвижная девушка, сдетая в летное. Светлая прядь волос, выбившаяся из-под кожаного шлема, оделась мелкими каплями росы, серебра своим блеском нежный локон. Осмотрев веселым взглядом присутствующих, она сказала:— Сегодня будет трудный полет, подготовьтесь к выдержке.— Сержант Чернов сидел лицом к моторам и не заметив ранее, как вошла девушка, моментально встал. Плотная его фигура, до предела оснащенная боевым имуществом, на минуту преградила путь летчице.— За нас можете не беспокоиться,— сказал сержант.— Здесь все люди летные.— Бойцы хором рассмеялись. Чернов уступил дорогу девушке и, провожая ее взглядом, как бы шутя, добавил: «Курс 30—00».

...Моторы взревели. Самолет дрожал, амортизируя на три точки. Сильная струя воздуха прижимала траву, осушая ее от ночного дождя. Гул на время уменьшался и снова увеличиваясь, заглушал все окружающее. Когда это повторилось в третий раз, самолет побежал по полю. Пропитанная влагой земля от соприкосновения колес грязью разлеталась в стороны, оставляя позади крупную пару борозд, укатанных узорами резиновых покрышек.

Незаметно поднялись в воздух. Низкие густые облака прижимали самолет к земле. Изредка, забираясь ввысь, он неожиданно проваливался, щемя сердце засыпавшего красноармейца.

Просторные поля сменялись густым лесом, чередуясь по несколько раз на каждом часу полета. В промежутках настилали населенные пункты, разгоня шумом собравшихся кур у стога. Долго не клеились разговоры. Бойцы уже давно уяснили свои задачи и, всматриваясь в дальние просторы, довольствовались живописным рельефом местности. Только один

Чернов был неугомонен. Вначале он осмотрел пулеметы, установленные на самолете, затем с разрешения стрелка-радиста выпустил вверх короткую очередь. Пулемет был исправным, и отлично действовал, как об этом отозвался сержант. Теперь он разворачивал домино. Собравшись в кружок, четверо игроков застучали камнями.—«Азик» наш, все в ажуре, — часто повторял Чернов, открывая игру.

Круг любителей быстро расширялся. Новые пары игроков занимали очередь, а в левом углу в это время вытаскивали одну за другой две пары домино, совершенно небывавших в употреблении. Игра приняла затяжной характер, перейдя в разговоры о предстоящих боях.— Немцы трусы, они наступают либо пьяные, либо с большим преимуществом, а чаще всего за танками. Помните,— начал Чернов — как немцы леса боятся. Вот тогда, в июле, пробираясь к своим, мы наблюдали интересный случай. Немецкий мотоциклист, проезжая по дороге, идущей лесом, беспрерывно обстреливал опушку, не видя ни одного живого человека.— А самое интересное,— добавил Клименко,— когда немец блином слетел с мотоцикла от первого нашего выстрела.— Подробно вспомнили о Малиновке, и картина предстоящих боев у каждого вырисовывалась очень отчетливо.

...Неожиданно самолет коснулся земли, сделал небольшую пробежку, зарулил вправо и остановился. Над аэродромом кружили быстроходные «Миги», а на земле суетились военные, встречая и провожая эшелоны. Фронт близко...

Попрежнему гордо, шагали бойцы.

ПЕРЕПРАВА СОРВАНА

17 октября 1941 года.

Обходным маневром на флангах наших войск, немцы, выйдя из-под Орла продвигались по шоссе к Мценску, на всем пути встречая упорное сопротивление наших частей, теряя танки и автомашины, оставляя убитых солдат и офицеров. Вот уже восемь дней, как идет непрерывная артиллерийская дуэль, десятки воздушных налетов ежедневно совершают обе стороны день и ночь ходят разведчики, однако немцы не

решаются двигаться дальше. Отказавшись от лобового удара, они вновь прибегают к излюбленному методу обхода флангов. 17 октября на рассвете, после непродолжительной артподготовки до двух рот фашистов пытались переправиться через Зушу, угрожая прорыву нашей обороны в деревне Подберезово.

Охраняя свои фланги, наша часть в этом районе выставила боевое охранение с задачей предупредить возможность внезапного нападения. Группа отборных кировцев во главе с сержантом Зуйковым была переправлена через Зушу. В момент, когда одна из немецких рот подходила к реке, второй грянули меткие очереди из автоматов. Пять кировцев

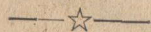
Старший сержант В. А. Зуйков, награжденный орденом Красного Знамени.

решили дать бой двум ротам фашистов. Ошеломленная внезапным обстрелом, рота немцев бросилась врассыпную. Убегающих солдат настигали меткие пули. Но собравшись, они боевым порядком повели наступление против горстки бойцов. Отстреливаясь, кировцы отходили к реке, где строила переправу другая рота немцев. Положение группы было критическим.

И как всегда, на выручку пришли артиллеристы. Комиссар батареи, младший политрук тов. Атясов приказал сержанту Филиппову выдвинуть на высоту крупнокалиберный пулемет

ДШК. Орудие сержанта Климовича выкатили на открытую позицию. Ливень огня, неся смерть захватчикам, обрушился на фашистские роты: зуйковцы били их с тыла, а мы, артиллеристы с фронта.

Сержант Филиппов своей плотной фигурой едва удерживал дрожащее тело массивного пулемета. Глаза его загорались еще большей ненавистью, когда каждая выпущенная очередь укладывала насмерть до полдюжину подлых вояк. За пулеметом заговорило орудие и минометы. В боевом содружестве, звенящие разрывы мин прижимали немцев к земле, а горячий металл снарядов вгонял их вглубь, определяя место последних минут жизни. Оставив убитых, побросав раненых, оружие и переправочные средства, фашисты рассеялись по одному. Переправа была сорвана. Зуйковцы вернулись невредимыми и долго благодарили артиллеристов.

КАПИТАН КОЧЕТОВ КОМАНДУЕТ...

23 октября 1941 года.

Шесть дней, отделявшие нас от последнего боя внесли колоссальные изменения во фронтную жизнь части. Фашистские орды захватили город Малоярославец, направляя очередной удар на Москву.

Москва. Столица. Сердце страны. Слово, которое столетиями с любовью передается из уст в уста, город, который хранит могущественный клад ратных сражений русских богатырей, имя, приобретшее миллионы друзей на земном шаре. Все живое и мертвое, служащее для бессмертного дела коммунизма — связано с Москвой. Теперь все это величие духовного и материального богатства людоед Гитлер хочет растоптать сапогом тупого и вшивого солдата.

— Не выйдет! — миллионами голосов ответила Москва. Препградим путь врагу! — отозвались кировцы. Часть в срочном порядке перебазирована под Москву и сходу вступает в бой.

...Уже третий день подряд идут непрерывные и ожесточенные сражения. Всей силой и яростью враг пытается сломить наш боевой дух и упорное сопротивление. 21 октября на

нашем участке боевых действий, немцы готовили мощный комбинированный удар. Наступая с танками, артиллерией и минометами, они бросили на поддержку десять бомбардировщиков и столько же истребителей. От разрывов бомб, мин и снарядов горящим пламенем клокотала земля. Лес окутался густым облаком дыма. Поле боя устлалось ураганом свинца.

Капитан Е. С. Кочетов, награжденный орденом Красного Знамени.

и стонами раненых. Атаки с обеих сторон носили ожесточенный характер и предпринимались по несколько раз в день. Но чем сильнее был нажим немцев, тем яростнее было наше сопротивление. Командира батареи младшего лейтенанта тов. Баранова серьезно ранило в ногу. — Не уйду от орудий, — ре-

шительно сказал командир и продолжал командовать до окончания боя. Двенадцать бойцов в этот день подали заявления в партию. Красноармеец Менюшкин в своем заявлении писал: «Скорее умру, чем отступлю перед заклятым врагом. Москву хочу защищать, будучи коммунистом». Атаки немцев закончились провалом. Проявляя исключительное мужество и хладнокровие, кировцы своими мощными контратаками отбросили врага назад.

В течение двух последующих дней новые атаки немцев уже были значительно слабее. Бой разгорался теперь на левом фланге, в стыке соседних частей. Действия противника насторожили артиллеристов. Беспокорство было не без основания. В 16 часов три немецких танка с двумя ротами пехоты неожиданно появились на левом фланге наших позиций. Обходным маневром они пытались выйти на шоссе и поставить под удар нашу часть с тыла. Замысел врага моментально разгадали артиллеристы. Капитан Кочетов, находившийся возле орудийного расчета сержанта Недужного, тут же подал команду:— По фашистским танкам, прямой наводкой огонь! — Наводчик Морозов пулей подлетел к орудию и с третьего выстрела угодил в фашистскую брону. Танк пошатнулся и, когда рассеялся дым, стоял неподвижным.— Седьмой по счету,— находил Морозов, производя очередной выстрел. Два других танка повернули в лес и обрушились огнем на орудийный расчет.

Дуэль орудия с танками длилась более часа. Немцы прилагали все силы, чтобы подавить нашу артиллерию и выполнить свой коварный замысел. На помощь танкам они бросили два самолета. Осколками бомб вывело одно орудие из строя, сержант Спасенко был убит, а сержант Недужный тяжело ранен. Орудие, однако, не прекратило огня. Оставшиеся в живых красноармейцы Морозов и Июдин в стан врагов посылали снаряд за снарядом. Беглым огнем, картечью расстреливали они теперь пехоту, пробирающуюся к дороге. Вдруг орудие замолчало. В самый ответственный момент застрял снаряд в канале ствола. Снаряд был мгновенного действия с вывернутым колпачком. На помощь подоспел коммунист, красноармеец Глезарь. Рискую каждую минуту быть взорванным вместе с орудием, он выбил снаряд, и пушка снова заговорила смертоносным языком стали.

К вечеру бой закончился. Тут же был получен приказ о занятии нового, более выгодного рубежа обороны. Путь к нему лежал по шоссе и местам, где, пользуясь покровом ночи, немцы успели организовать засаду.— Пробьемся с боем,— сказал Кочетов, обращаясь к бойцам.— Вывести все имущество, все оружие, все снаряжение,— вот наша ближайшая задача.—

Командир батареи, лейтенант А. М. Сергеев,
награжденный орденом Красного Знамени.

Глубокой ночью выступили. Лица бойцов сосредоточены и суровы. Автоматы и винтовки ошетинились на обе стороны дороги и готовы были в любую минуту принять бой с врагом. Машины шли на большой скорости. Поровнявшись с предпо-

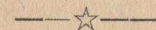
лагаемым местом засады, колонна была обстреляна немцами. Пули обсыпали все, от колес до кузова. В один из моментов очередью из пулемета ударило по кабине. Сидевший в ней комиссар батареи, младший политрук тов. Атясов был смертельно ранен. В это время в зоне огня в одной из машин с прицепленной пушкой, отказал мотор. Под ураганом свинца бойцы выскочили из машины и потащили ее на себе. С большим риском зона обстрела была преодолена.

Машины остановились на берегу реки. На второй из них лежало тело любимого комиссара. Бойцы, опустив головы, проходя мимо, отдавали последний долг. Вскоре здесь же организовали похороны. Когда из дальнобойных орудий грянуло два выстрела и пламя огня на миг озарило восток, старший политрук Василий Старых открыл траурный митинг.— Товарищи! Всего полчаса назад перестало биться горячее сердце Сережи Атясова. Жизнь его — прекрасный пример и образец мужественного большевика и сталинского комиссара. Никогда мы не простим врагу за унесенную жизнь пламенного патриота. Прощай, наш любимый боевой друг. Память о тебе сохраним, как о герое. Товарищи бойцы! Поклянемся здесь, что отдадим все силы на разгром врага, грудью своей отстоим Москву. Клянемся! — хором ответили артиллеристы.— Пусть образ Атясова у нас всегда будет призывом к беспощадной мести, к неутомимой борьбе за полный разгром фашизма. Кровь за кровь и смерть за смерть, товарищи кировцы.— Митинг закрылся.

Тяжело было расставаться с другом, но время, рассчитанное на секунды торопило всех. Сзади немцы, впереди река, мост через которую взорван. Капитан Кочетов быстро отыскивает брод, по которому возможна переправа машин и орудий. Первая машина идет по крутому спуску и под углом в 45° сходу врезается в воду. Мотор моментально захлебнулся и встал. Единственный выход,— тащить машины и орудия на себе. Решение принимается сразу. Бойцы снимают шинели, обмундирование, снаряжение и, находясь по пояс в воде, вытаскивают машины. Три с лишним часа, проведенные в осенней воде, ни у кого ни на минуту не вызвали жалоб на усталость. Все жили одной мыслью:— Спасти материальную часть, которая пригодится для новых сражений. В 3 часа ночи переправа была закончена. Но на пути нашлась новая

трудность. Шоссе взорвано настолько сильно, что расчетам артиллерии пришлось бы затрачивать на восстановление дороги не менее суток. Ко мне подошел сержант тов. Лушпай и попросил разрешения построить новую дорогу до кювету. Я одобрил это предложение. Закипела работа. Наспех сооруженный обезд помог вытащить, опять таки на себе, всю материальную часть.

Светало. Усталые бойцы сопровождали орудия. Новый рубеж обороны занят. Старший политрук Старых подошел ко мне и сказал:— Артиллерия Кочетова будет долго жить для победы.

ИЗ НЕМЕЦКОЙ ПУШКИ ПО НЕМЦАМ

4 декабря 1941 года.

Вчера часть производила разведку боем. Все дрались исключительно хорошо и отважно. Немцы не выдержали натиска кировцев, выскочили из блиндажей и бросились назад. Они добежали до своих запасных позиций и начали упорно сопротивляться. Задачу свою часть выполнила, огневые точки, количество и характер сил противника были выяснены.

Ночь все ниже и ниже спускалась над землей, луна поплыла по небу, и звезды, как фонарики, зажглись одна за другой. Тишина, глубокая и непроницаемая разлилась по окрестности, казалось, что все вокруг устало от дневного сражения и теперь отдыхает. В это время к нам в землянку вошел лейтенант Кузин. Глаза его задорно блестели, все лицо смеялось.

— Товарищ капитан,— обратился он к Кочетову,— разрешите утащить у немцев пушку.

— Какую еще вам пушку захотелось?— Удивился капитан.

— А там немцы, когда бежали,— не успели вытащить свою пушку. Разрешите нам это проделать.

— А далеко она от переднего края обороны немцев?— спросил капитан.

— Да нет, метров семьдесят.

Мы переглянулись с капитаном и засмеялись. Я видел по лицу капитана, что он тоже заинтересовался затеей Кузина.

Ладно, тащи но только смотри, чтобы это не была «эрзац-пушка», ибо в восемь часов утра мы откроем из нее огонь по немцам. Притащи вместе с пушкой снаряды.

— Есть! — Весело ответил Кузин и засмеялся. Он повернулся и его коренастая и крепко сложенная фигура выскользнула из землянки.

— Вот орлы, — радовался капитан инициативе своих командиров, — уж поистине не ложи палец в рот — откусят!

Мы опять рассмеялись.

А между тем задачу с пушкой было не так просто выполнить. Она стояла всего в 70 метрах от переднего края оборны немцев, и вытащить ее оттуда было не легким делом. Немцы уже пытались вечером подойти к ней, но кировцы моментально открыли ураганный огонь, и фашисты бросились обратно, а пушка спокойно стояла и смотрела пустой глазницей в нашу сторону.

Ровно в 24 часа взвод во главе с лейтенантом Кузиным пополз к пушке. Метр за метром приближались они к ней, наконец, оставаясь невидимыми, все схватились за колеса и лафет. Потянули, попробовали сдвинуть с места, но безрезультатно, — пушка не двигалась. Поставленная здесь уже давно, она крепко вмерзла колесами в землю. Пришлось пустить в ход лопаты. Земля поддавалась с трудом, а копать нужно было тихо, чтобы немцы, неизвестно почему молчаливые до сих пор, не открыли огонь. В минуту, когда всем показалась, что пушка никогда не сдвинется с места, — она вдруг качнулась и покатила в нашу сторону.

Только здесь немцы спохватились. Застрочили пулеметы, короткими очередями залаяли автоматы, но было уже поздно. Пушка, как смеялись потом бойцы, подбавила газу и на четвертой скорости влетела на нашу линию обороны. Половина работы была отлично проделана, осталось только докатать снаряды.

Немцы не переставали вести огня, а теперь, когда они увидели, что пушки и след простыл, начался усиленный обстрел нашей линии обороны.

Не обращая на это внимания, Антуфьев, Сечной, Тарасов и Июдин поползли опять к немцам. Через полчаса начали при-

бывать снаряды, а через час, когда был принесен сотый снаряд, Антуфьев, вытирая со лба пот, коротко произнес:

— Все!

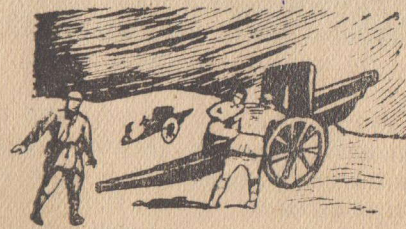
Задача была блестяще выполнена.

Мы еще долго осматривали трофейную пушку, наводчик Голиков знакомился со взаимодействием основных частей и приемами стрельбы и наводки (ему предстояло утром открыть огонь по Ольхово из этого трофейного орудия).

Спать легли в эту ночь поздно, а в восемь часов утра все уже были на ногах и опять направились к пушке. Возле нее толпились бойцы из батареи Кузина и бойцы других батарей, всем хотелось услышать и посмотреть как она бьет.

Со словами — «Получайте обратно свои снаряды, не бойтесь, они ваши, отечественные», — Голиков открыл огонь. Уже с пятого снаряда он перешел на поражение цели. И когда последний снаряд разорвался в толпе обезумевших от страха немцев, Голиков сказал:

— А все-таки наша пушка лучше, и устройство ее проще, и работать с ней легче, и бьет она вернее.

Батальонный комиссар
Н. ШЕВЯКОВ.

Под Орлом

Аэродром гудел. Самолеты один за другим по кругу стремительно поднимались в воздух и уносились на север. Горели постройки, с глухим треском возле ангаров рвались снаряды, гзметая в воздух целые фонтаны земли. И в это время, полное смерти и пожаров, над аэродромом появилась очередная группа тяжелых транспортных самолетов. Они шли на посадку. Люди ахнули. Как можно садиться на клокочущее от взрывов поле. Разве возможна посадка в такую «погоду»?

— Да, возможна!— потому, что здесь приземлялись кировцы, бойцы, которые подвергали свою жизнь неоднократному риску.

Молча, без суеты целые подразделения высаживались из самолетов. Полковник Ковалев на ходу отдавал четкие распоряжения, и роты построившись в боевые порядки, поспешно уходили к окрестностям города. Рельеф местности не благоприятствовал для обороны. Огромный пологий скат сливался с берегом реки, образуя пустынную песчаную отмель. И только вдаль, за излучиной Оки непроглядной стеной поднимался густой лес. Но там уже были немцы.

Артиллерийский обстрел ни на минуту не прекращался, и бойцы спешили зарыться в землю. С каждой минутой окопы становились глубже и вскоре на поверхности уже ясно обоз-

начался бруствер. Когда работа подходила к концу, на опушке леса появилось несколько танков. Они в перемешку подходили к реке, щупали воду гусеницами и возвращались обратно.

Командир части, полковник С. М. Ковалев.

— Брод ищут,— догадались бойцы. Кто-то первый начал связывать гранаты, и его примеру последовали остальные. Теперь снова все были заняты делом: одни набивали запасные диски, другие проверяли автоматы, третьи поближе клали бронебойные патроны. С каждой минутой близость предстоящего боя ощущалась сильнее. И вскоре он начался.

На скат, как горох, посыпались снаряды, в воздухе со звоном рвалась шрапнель, с опушки леса строчили пулеметы. Свист одиноких раньше пуль превратился теперь в сплошной

визжащий хор. И пока бойцы выслушивали эту «музыку», из леса начали выходить танки. Сколько их?— Этот вопрос теперь занимал многих, но цифра была быстро названа. Сорок восемь.— Ничего, устоим. Танки могут пройти, но мы не отойдем,— так сказал коммунист Николай Васильевич Бондарев, ставя задачу своей роте.

Две черные стены на гусеницах издавали противный лязг, перемешанный с грохотом выстрелов. Они двигались прямо на нашу оборону.

Нарастающая опасность прогоняла страх. Помня о задаче, люди забывали о себе и, презирая смерть, приобретали необыкновенную способность к жизни. Густая цепь окопов, разбросанных по полю, притаилась. Бойцы измеряли расстояние от себя до танков, выбирая удобный момент для броска связки гранат. Вот они уже приблизились на два десятка метров. Фланговые танки открыли пулеметный огонь.— По фашистским танкам огонь!— прогремел басом голос лейтенанта Бондарева. На минуту цепь окопов обозначилась точками, и на встречу броне, клейменной паучьей свастикой, полетели гранаты. Они рвались под гусеницами и возле танков, обдавая броню густой сетью осколков. Ливень огня на смотровые щели обрушили автоматчики. Кругом стоял дым и шум. Казалось, что эта черная стена теперь пошатнулась и готова была упасть под собственной тяжестью, но она продолжала двигаться. До десятка танков остановились и, преградив путь задней колонне, начали обстрел обороны из орудий и пулеметов. На переднем плане уже были видны следы гусениц, прошедших через окопы. Цепь бойцов попрежнему оставалась на месте. На окоп лейтенанта Бондарева двигалось сразу два танка. Лейтенант поднялся во весь рост и бросил одну за другой две связки гранат. У первого танка сбило гусеницу, второй, увеличив скорость, пошел прямо к окопу. Бондарев схватил третью связку. Размахнувшись, он хотел взорвать вторую машину, но не успел. Под гусеницами танка лейтенант отдал жизнь, не отступив ни на шаг.

Лавина двигалась дальше. Впереди и сзади ее гремели взрывы, раскидывая в стороны фонтаны земли. Бой шел на всей глубине обороны. Он продолжался и после, когда прошли танки. Бойцы сдержали свое слово. Хотя немцы и выиграли это сражение, но и кировцы его не проиграли. У них в

это время не было противотанковых орудий и в достаточном количестве других средств борьбы, но у них была и осталась воля к победе, которую не могли сломить совершеннейшие орудия войны. Нет! Кировцы не проиграли сражения!

Заместитель начальника политотдела, батальонный комиссар
Н. А. Шевяков, награжденный орденом Красной Звезды.

На другом участке боя полковник Ковалев лично руководил операцией. Численное превосходство попрежнему оставалось за противником. Но мужество и стойкость советских воинов уравновешивало силы. Из роты, которой командовал политрук Василий Уразов, был организован танковый десант.

Приблизившись к городу, небольшая группа танков внезапно всрвалась на окраину и в упор начала расстреливать немцев. — За Родину! За Сталина! Ура! — прозвучал голос Василия Уразова. В стан врагов полетели гранаты, засверкали вспышки огня, горящим пламенем окутались вражеские машины. Враг не выдержал и, оставляя танки, в панике бежал в город. Начались уличные бои. Но когда немцы, собравшись с силами, снова пустили в ход броню, кировцы отошли и готовились к новым внезапным ударам. Теперь немцев поджидала засада. Полковник Ковалев лично определял район обороны, мужественным поведением под обстрелом воодушевлял бойцов на стойкое сопротивление. И враг не пошел по дороге. Большими танковыми колоннами он обошел с флангов, оставив в тылу батальон кировцев.

— Ничего, орлы, выйдем—твердо сказал полковник собравшимся подразделениям.— Наша задача состоит в том, чтобы сохранить полную боеспособность и быть готовым в любом месте нанести новый удар по врагу. Надо вынести каждый патрон, не говоря уже об оружии. Это мой приказ.— Участник гражданской войны, полковник Ковалев прошел суровую боевую школу. Она его закалила, вырастила мужественным, воспитала в нем бесстрашие и настойчивость. И сейчас железная воля командира одержала победу. Через овраги и реки двигались бойцы, до предела оснащенные боевым имуществом. Крупнокалиберные пулеметы тащили на волокушах. Вместе с боевым имуществом выносили раненых. Несколько десятков километров санитары Лядов и Зуев бесценно сопровождали раненого бойца, часто укладывая его на ручные носилки. Врач Елена Николаевна Носкова по выражению полковника, «образцово перенесла все «мужские трудности похода». Она ни на минуту не забывала о раненых. Когда кончились медикаменты, в разведку пошел начальник аптеки старший военфельдшер тов. Табанец. В одной деревне была обнаружена не полностью уничтоженная аптека. И в момент, когда два немецких танка остановились в этом селении, Табанец просматривал десятки латинских надписей на медикаментах, укладывая в сумку все, что могло способствовать успешному маршу. Когда все ценности были изъаты, остатки были уничтожены. А вскоре старший военфельдшер доложил полковнику о выполнении задания.

Трудный марш сменялся коротким отдыхом и снова маршем. На исходе четвертых суток, полковник Ковалев соединился со своими частями. Сохранив полную боеспособность, подразделения на другом участке заняли оборону и продолжали громить врага.

Памятные дни остались позади. И когда о них вспоминали красноармейцы, все с любовью говорили о полковнике:—С таким командиром не пропадешь.

Красноармеец А. КОЖЕВНИКОВ.

Засада в немецком логове

Разведка донесла, что немцы, остановленные нашими частями под Мценском, накапливают силы и собираются двинуться дальше. Но какой стороной они пойдут, где собираются прорвать нашу линию обороны, сколько у них для этого сил? — Эти три вопроса нужно было разрешить как можно быстрее.

Лейтенант Черенков, получив от командования задачу выяснить все о силах и намерениях противника, принял смелое решение: — Надо пробраться в тыл немцев, разведать их силы, а о намерениях лучше всего узнать от какого-нибудь штабного офицера.

На первый взгляд план казался невероятным и невыполнимым, но лейтенант сказал:

— Сделаем, дайте только время — и все будет в порядке.

— Ну что ж, делай, — согласился командир и, пожав лейтенанту руку, отпустил его.

Ночь выдалась темная и непроглядная. Ни луны, ни звезд, только холодный осенний дождь монотонно стучал о землю и ручьями стекал в овраги. Ветер уныло завывал в трубах и, казалось, просился в избы согреться. В эту ночь лейтенант Черенков выступил со своей группой для выполнения боевой задачи.

Шли оврагами. Молча ступали бойцы, то и дело попадая в лужи, спотыкались о кусты и ветки, но ни возгласы, ни тяжелое порывистое дыхание не нарушали эту осеннюю холодную ночь.

Скоро наша линия обороны осталась позади, и бойцы вступили на территорию, временно занятую противником. Теперь двигались еще тише, еще скрытнее. Впереди показались село, но пользуясь данными ранее посланной разведки.

Старший лейтенант С. А. Черенков, награжденный орденом Красного Знамени.

лейтенант обошел деревню и продолжал углубляться в тыл немецких частей.

Наконец группа подошла к маленькой деревушке, где нужно было остановиться. Хотя в этой деревне и жили немцы, но их было мало, всех домов, как донесла разведка, они не занимали, можно было здесь дожидаться утра. Но зато в

соседней деревне, которая находилась в одном километре от этой, размещался штаб одной из немецких частей. Именно поэтому лейтенант Черенков выбрал это место. Кроме того, многочисленные овраги, которые тянулись до самой линии фронта облегчали выполнение задачи.

Все разместились в двух крайних домах, откуда хорошо была видна соседняя деревня, выставили наблюдение и напряженно ожидали утра.

Дождь попрежнему хлестал землю, и ветер продолжал уныло завывать в трубах. Бойцы не спали, — уж слишком все было необычно и дерзко. В соседних домах спали фашистские солдаты, а в этих — бодрствовали красные воины.

— Погода — дрянь, — говорил лейтенант Черенков командиру взвода Виноградову. — Боюсь, что утром никто из этих штабных крыс не высунется на улицу.

— Незачем гадать, утро покажет, — отвечал Виноградов, нервно теребя пуговицу. Его тоже волновала возможность того, что немцы не выйдут утром на дождь.

Дождь неожиданно прекратился. Ветер усиленно гнал тучи на юг, вдруг из-за обрывков туч выглянула звезда, за ней другая, третья... Небо начало проясняться.

— Дело, — воскликнул лейтенант. Глаза его радостно блеснули, лицо засияло в довольной улыбке. — Дело, теперь я уверен в успехе.

Светало медленно; солнце выглянуло из-за горизонта и кроваво-красным оком посмотрело на землю. Постепенно оно загоралось все ярче и ярче и вдруг, оторвавшись от земли, повисло в воздухе, а затем уверенно покатило вверх по небу.

Все напряженно смотрели в окна, следили за всем происходящим на улице. В это время кто-то воскликнул:

— Подвода и люди!.. — Это кричал Евтушенко, он пальцем указывал на соседнюю деревню и объяснял: — Вон там, видите, они хотят спуститься в овраг. — Глаза сержанта блеснули от напряжения. Лейтенант Черенков быстро соображал: — Подводу с людьми задержать необходимо, но если солдаты ничего не скажут, благодаря незнанию намерений немецкого командования, то мы напрасно обнаружим себя. — Здесь он снова услышал голос Евтушенко: —

— На подводе сидят офицеры. Я это ясно вижу. — Возглас сержанта Евтушенко решил дело.

— Засада, — воскликнул лейтенант и тут же разбил своих людей на три группы: одна группа должна была отрезать пути отхода, вторая — отрезать пути следования обоза, третья — напасть справа.

Все скрытно выскочили из домов и огородами бросились к сврагу. А обоз, ничего не подозревая, двигался по оврагу куда-то вперед. Впереди шла разведка из шести человек, а на возу, прикрыв своим телом бумаги и папки, сидело четверо офицера. Они даже в мыслях не имели, что здесь, в самом их логове, может быть устроена засада. Это было невероятным и, по их мнению, как они после рассказывали невыполнимым. А тем не менее засада была устроена.

Группу, которая отрезала пути отхода, немцы увидели первыми. Она была мизерна. — Евтушенко и еще четверо бойцов, — и офицеры, слезая с повозки, закричали: — Сдавайсь, Русс!.. Сдавайсь!

— Сдавайсь? — удивился Евтушенко, — нахось, выкуси! — и выпустил из автомата большую очередь по немецким солдатам. Выстрелы Евтушенко послужили сигналом для остальных, в немецких солдат полетели пули. Четверо фашистов замертво грохнулись в грязь, два оставшихся солдата и один офицер бросились бежать; а остальные три офицера, те самые, что кричали — «Русс, сдавайсь» — стояли с поднятыми руками. Ефрейтор Плескачевский бросился в погоню за убегающими. Несколько выстрелов, — и трое бежавших дополнили список убитых.

А через три часа лейтенант Черенков уже стоял перед командиром и докладывал:

— Задание выполнено. В ходе разведки захвачена подвода противника со штабными документами, картами, тремя рациями и другим военным имуществом. В плен взяты три штабных офицера, осведомленных о намерениях командования противника.

— Молодец, — сказал командир, — действительно молодец.

Красноармеец С. ДЕГТЯРЕВ.

Чисто по-кировски

Подразделение готовилось к выполнению боевой задачи. В домик, в котором временно разместились командир и комиссар роты вошел красноармеец. Он был чисто выбрит, подтянут. Поясной ремень плотно опоясывал его складную военную фигуру. Из хорошо подогнанного снаряжения резко выделялся своим блеском вороненый автомат, переброшенный через плечо. Это был разведчик Михаил Тиханов.

— Товарищ комиссар, разрешите к вам обратиться,— сказал красноармеец.

— Садитесь, тов. Тиханов,— пригласил комиссар к столу «тщажного разведчика».

Тиханов сел на стул и вглядываясь блестящими глазами в своего руководителя негромко сказал: «Товарищ комиссар, я вырос и воспитался в комсомоле, три года честно нес боевую службу в нашей славной кировской части. За этот период специализировался для ведения боевых разведок. И вот скоро мы пойдем в бой. Сегодня я как-то по особенному чувствую, что мое место тоже среди коммунистов. У меня много сил, много энергии, еще больше ненависти к озверевшим бандитам. Я хочу свою силу и любовь к родине скрепить партийным билетом».

Комиссар встал. У Тиханова еще сильнее загорелись глаза. Он с жадностью следил за первым словом своего воспитателя.

— Хорошо, Михаил,— впервые называя его по имени, от-

ветил комиссар.— Я напишу вам рекомендацию. Надеюсь, что вы и в бою будете достойным кировцем.

Через несколько минут разведчик вышел из помещения. На румянном его лице остались следы перенесенного волнения. Простояв с минуту, Тиханов сказал про себя: «Значит и я буду коммунистом».

...Начались горячие бои с фашистскими ордами. Тиханов рвался в разведку. Там, где обходилось без боя, где не было связано с риском,— такие разведки он не записывал к себе в актив.

Когда город Мценск заняли немцы, Тиханова вызвал к себе командир.— По дороге к городу движется группа немецких танков,— сказал лейтенант.— Надо точно узнать их количество и дальнейшее направление движения.

— Есть,— четко повторил задачу Тиханов и ушел в свое подразделение. Через час разведчик был уже на окраине города. Осторожно продвигаясь, Тиханов заметил на берегу реки сарай, откуда можно было свободно просматривать местность. Но как к нему подойти? В городе немцы, кругом патрули и охрана. Тиханов шел от дома к дому, через строения, он миновал все немецкие посты и приблизился к облюбованному месту. Вдруг по нему грянула автоматная очередь.— Ага, промазали,— шептал разведчик.— Теперь вам не уйти, гады.— В ответ Тиханов послал свою очередь. Два бандита упали мертвыми.— Вот досада,— продолжал он.— На выстрелы обязательно прибегут немцы, а этот сарай самый удобный пункт для наблюдения. Да ну, ладно. Что будет, то будет,— твердо решил Тиханов.— Я остаюсь здесь.— Трупы убитых он втащил в сарай и засыпал соломой.— Теперь я здесь старший.— Хорошо замаскировавшись, Тиханов начал подсчитывать танки. После каждого десятка в маленьком блокноте ставилась единица. Таких единиц Тиханов наставил 5. Задача выполнена. Танки подсчитаны, местность замечена, направление установлено. Надо доложить командиру. Собравшись вылезать из сарая, Тиханов услышал шаги. Разведчик притаился. Вокруг сарая, лопоча на своем языке, рыскали немцы.— Что если они вздумают осмотреть сарай,— подумал красноармеец.— Гранатой,— тут же решил он. Но все обошлось благополучно. Не подозревая присутствия разведчика, немцы разошлись.

Вскоре Михаил Тиханов подробно доложил командиру. Данные как никогда пригодились. Пользуясь ими, славные артиллеристы огнем своих батарей рассеяли колонну и подожгли несколько танков.

* * *

В боевом активе Михаила Тиханова свыше тридцати боевых разведок. За проявленную доблесть и мужество отважный разведчик награжден орденом «Красное Знамя».

Младший политрук

Ф. МЕЧЕТНЕР.

Сила воли

В этот день противник вел себя слишком подозрительно. Остановленный кировцами, он два дня спокойно лежал в своих окопах, не делая попыток снова двинуться вперед, но сегодня...

С утра началась усиленная стрельба из минометов. Как стонный вал катились разрывы по лесу, взрыхляя землю и коверкая деревья. Потом заговорила вражеская артиллерия. Один за другим в лесу разрывались снаряды, и земля летела вверх, и березы, как подкошенные, падали, загорая лесные тропинки. Морозный воздух накалялся все больше, шум и грохот от разрывов рос, и казалось, что земля, сдрагаясь, подымается, а лес взлетит на воздух.

— Да, сегодня быть бою,— говорили бойцы,— но немцы опять напорются на штыки.

Было уже далеко за полдень, а немцы не двигались вперед.— Ждут танков,— уверенно произнес политрук Полторухин, и тут же приказал бойцам подготовиться к отражению танковой атаки. Он подошел к командиру роты лейтенанту Семкину и начал о чем-то беседовать. Они разговаривали долго, выходили на дорогу, стараясь отгадать, откуда двинется враг.

Подразделение находилось на левом фланге нашей обороны. Здесь легче было пройти танкам, поэтому предполагалось, что враг начнет бить именно сюда.— Что ж, встречу